

Дарья Валикова

*ЧЕГО
ПОЧИТАТЬ,
ЕСЛИ НЕЧЕГО
ПОЧИТАТЬ*

Дарья Валикова

**Чего почитать, если
ничего почитать**

«Издательские решения»

Валикова Д.

Чего почитать, если нечего почитать / Д. Валикова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960949-6

Сборник состоит из статей, рецензий и интервью, посвящённых отечественным авторам, которые на протяжении последних двадцати лет выходили в газетах «Литература» и «Литературная Россия», журнале «У книжной полки», интернет-журнале «ТАМ» и других изданиях (либо ещё не были опубликованы). Одни книги, о которых идёт речь, на слуху и поныне, другие — не получили известности либо уже позабыты — а справедливо или нет, решать читателю.

ISBN 978-5-44-960949-6

© Валикова Д.
© Издательские решения

Содержание

О ПРОЗЕ	6
РОССИЯ, ДОРНЫ И АКУНИН	6
КЛАДБИЩЕНСКИЕ ИСТОРИИ АКУНИНА-ЧХАРТИШВИЛИ	13
ПАМЯТИ БОРИСА МОЖАЕВА	14
СКАНДАЛИСТ В. КАВЕРИНА	16
НАПЕРЕКОР ГЕНДЕРУ: ВЗЛЯД НА ЖЕНСКУЮ	17
ЛИТЕРАТУРУ 2005 г.	
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Чего почитать, если нечего почитать

Дарья Валикова

© Дарья Валикова, 2019

ISBN 978-5-4496-0949-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О ПРОЗЕ

РОССИЯ, ДОРНЫ И АКУНИН

Чем-чем, а прошлым наш народ интересуется; «истории из истории», кажется, занимают его больше, чем истории про современность или фантазии о будущем. «Костюмные сериалы», как правило, рейтинг имеют стабильно высокий; исторический научпоп, особенно без грифа Академии наук, тоже расходуется неплохо. Интернет – свидетель: в комментариях по любым поводам, обычно, что ни свара, то произвольное приведение исторических примеров с выводами космического масштаба и космической же... сами помните, чем. За редким исключением. Боже, думаешь, ну откуда ж всё это берётся? Откуда-откуда – вот оттуда и берётся: от домопрошенных «исторегов» к подобным же публицистам, журналистам, сценаристам – и далее в широкие массы. Не отстают и писатели-прозаики. Поскольку классику читать напряжно, да и немодно как-то, а спрос на всякое красивое, с балами и всадниками, парадами и дуэлями, тем не менее, есть, и немалый – как же не возникнуть предложению? И вот ретро-детектив, самый удачный жанр, попавший в яблочко, совершает своё триумфальное шествие по прилавкам и экранам.

Борис Акунин (Чартхишвили) – некоронованный король, но не первооткрыватель жанра. Сначала, помнится, был «Триумф Венеры» – сборник детективов, посвящённых реальному лицу – знаменитому в позапрошлом веке российскому сыщику Путилину. Впрочем, поскольку их автор – Леонид Юзефович – историк по профессии и писатель настоящий, это была хорошая литература. Акунин же в свои сквозные герои берёт вымышленного персонажа – сыщика по имени Эраст (Петрович) Фандорин; временной диапазон, в котором тот действует, – приблизительно со второй половины XIX века до начала Первой мировой войны. Место же, в котором действует – Российская империя, изображаемая в ключе вполне псевдоисторическом: максимум внешних примет, минимум подлинной реальности. То есть, персонажи – люди абсолютно такие же, как мы с вами, разве что по-другому одетые и технически отсталые. Потому на этих страницах чего только не встретишь: то обсуждение в гостиной господами гомосексуальных наклонностей общего знакомого, каковое происходит в присутствии и при живейшем участии – даже не дамы, а девицы, барышни; то некто является на светское мероприятие вместе со своей любовницей, и никаким скандалом это не воспринимается; то разговоры о женской эмансипации, где формулировки и аргументация – ну почти что калька разговоров с блогов нынешних феминисток. А уж что говорить про споры политические!..

Но, в конце концов, на все акунинские несуразности и несусветности такого рода (включая изображение внутрицерковной жизни в параллельном «фандоринском» цикле романов про монахиню Пелагею, на которые критика, вроде, указывала) для читателя серьёзного найдётся много чего в качестве противовеса – и прежде всего, разумеется, та же самая русская классика. Стоит обратиться – и вполне несложно составить себе реальное представление, что на самом деле в те времена являлось возможным и уместным, что неуместным, а что неуместным категорически. Короче, всё тогда бывало как бы и так, как нынче... да совсем, совсем не так!

Но всё это может касаться века позапрошлого или, в крайнем случае, восемнадцатого. Беда, когда Акунин, ничтоже сумняшеся, обращается к временам более древним – тогда «защитить» наивного читателя от произвольных изображений Руси особо и некому, поскольку исторических источников не столь много, и в «широкий обиход» они, увы, не вхожи. Так уж сложилось – всё, что до Петра, обыватель представляет себе весьма туманно, да и особой охоты что-то оттуда «представлять» у него нет, ведь объяснили же человеку – там один мрак отста-

лости провинциальной страны, которая ни рыба, ни мясо (ни Европа, ни Азия), чего интересного-то?

Акунин не только что поддержит доверчивого читателя-обывателя в этом ощущении – укрепит намертво! Вот, допустим, роман «Алтын-толобас», задуманный таким образом, что представляет нам разом и внука Фандорина – Николаса, рождённого в эмиграции, в Англии, и приехавшего в Россию 90-х, и его дальнего предка – Корнелиуса фон Дорна, прибывшего на Русь во времена царя Алексея Михайловича (*«обучать туземных солдат премудростям меткой стрельбы и правильного строя»*). Согласно этой параллели, что предку, что потомку нашего Эраста Петровича предстоит, попав в варварскую страну, ужаснуться её кошмарности, но, тем не менее, застрять в ней надолго, если не навсегда. Такова их судьба и миссия – должен же кто-то нести лучи света в крошечную тьму!

Что Русь, что Россия постсоветская оскорбят возвышенные чувства обоих иностранцев прямо с порога (*«Это была нелюбовь с первого взгляда»*). Что первый, что второй въезжают на проклятую территорию напрямик из Латвии. (Если в XVII веке двинуться сюда в объезд Польши, через Латгалию – куда ни шло, то объяснения, зачем сэру Николасу понадобилось добираться самолётом не напрямик в Москву, а в Ригу и оттуда на поезде, автор даёт не слишком вразумительные, можно сказать, за уши притянутые. Впрочем, чего тут придирается – параллель так параллель; зачем же герою сразу оказываться в *«столице диких москвитов»*, прежде надо и глухую провинцию увидеть!) Сразу на российской границе, в убогой пристанционной забегаловке бедного Николаса чуть не отравят просроченным йогуртом и предложат секс-услуги от девчущки школьного возраста; аналогичные вещи, как выяснится, поджидали примерно там же триста с лишком лет назад и бедного Корнелиуса. Ну, ладно, – шок благополучного англичанина от столкновения с лихими девяностыми (хотя по поводу забегаловки – уже гложут сомнения: отчего б ей, тем более стоящей на западной границе, уже б и не преобразиться, ведь дефицит продуктов питания вроде несколько лет как кончился?), но что же смутило мушкетёра фон Дорна? По-видимому, в Европе – хоть средневековой, хоть раннего Нового времени – малолетних проституток не было, потому что не было никогда.

Оставим англичанина; его приключения в Москве конца двадцатого века освещены в книге (как и в книгах последующих, где будет фигурировать этот персонаж) по-доброму, с милым юмором: чего б там ни было, но Россия жаждет слиться с Западом – как такое похвальное стремление не поддержать душевно?.. Параллельный же текст явит нам поистине *«адское государство»*, где совершенно *«негде взяться благородным, просвещённым людям»* и вообще караул. Начать следует с того, что *«бравого мушкетёра в первой же русской деревне опоили, раздели догола и выкинули за околицу»*. Чтобы добраться до столицы, ему приходится примкнуть к группе испуганных купцов, готовых обороняться от диких аборигенов насмерть. Но и по прибытию в Москву он обнаружит на её улицах, помимо разных *«тощих бурых свиней с поросятами»* и *«покосившихся частоколов»*, какие-то банды, составленные из разных боярских подручных, разделивших город между собой подобно мафиозным кланам... В общем, жуть вопьмах и белым днём тоже!

Всё это происходит, напомним, в 1675 году (когда маленькому Петру, ещё и наследником не числящемуся, три года отроду). И вот же (Бог свидетель!) совпадение: автор этих строк взялась тут недавно за любимого Диккенса – ещё не читанный, такое упущение, роман под названием «Повесть о двух городах». Роман этот, где действие разворачивается в Англии и Франции времён Великой Французской революции, начинается, однако, в 1775 году, то бишь, получается, аккурат через сто лет после того, как благородного Корнелиуса заносит в проклятую дыру-Москву незадолго до кончины Алексея Михайловича. Если мушкетёр, согласно Акунину, представляет в своём лице Европу XVII века как просвещённую, развитую и проч. в противовес дремучей азиатчине – то какова ж та Европа, по идее, должна быть ещё век спустя – целый век поступательного развития!.. И вот, например, какова Англия: *«Даже в сто-*

лице каждую ночь происходили вооружённые грабежи, разбойники врывались в дома, грабили на улицах; ... сам вельможный властитель города Лондона, лорд-мэр, подвергся нападению на Тернемском лугу, какой-то разбойник остановил его и на глазах всей свиты обобрал дочиста его сиятельную особу; ... на приёмах во дворце воры срезали у благородных лордов усыпанные бриллиантами кресты; в приходе Сент-Джайлса солдаты врывались в лачуги в поисках контрабанды, из толпы в солдат летели пули, солдаты стреляли в толпу, – и никто этому не удивлялся. В этой повседневной суете беспрестанно требовался палач (...) три четверти всех преступлений, перечисленных в уголовном кодексе, карались смертью». (У нас, напомним, в это время, при матушке Екатерине Великой, ничего подобного как будто не наблюдалось – ни в Питере, ни в Москве.) А уж как описаны Диккенсом парижская нищета и жестокость нравов!.. Кстати, «злупыхает» он лет семьдесят – восемьдесят спустя после тех событий; это всё равно как если у нас кто возьмётся изображать бытовую повседневность наших тридцатых – сороковых годов прошлого века – не так уж давно всё было, свидетельств навалом и сильно картину не исказишь, даже если захочешь. В исторически выверенных комментариях к диккенсовскому роману есть поправки вроде: выставлять отрубленные головы, насадив их на прутья ограды Тэмплских ворот, перестали не 1780-м, а в 1772-м, ошибся классик! Впрочем, следом там добавлено, что сами казни (включая четвертование) продолжались и происходили публично, и билеты на эти зрелища были весьма недешевы... В Лондоне, повторяем. Не – до, а спустя сто лет после российской действительности «Алтын-толобаса».

Вернёмся туда. Что, поразмыслим, представляла собой Москва к 1675 году на самом деле? Следы разрушений, нанесённых в начале века поляками, страшным пожаром 26-го года, а затем Соляным и Медным бунтами, надо думать, давно ликвидированы. Да, мода на великолепное Нарышкинское барокко в архитектуре начнётся немного (совсем немного) позже, зато Кремлёвские соборы, Василий Блаженный и прочие прекрасные сооружения стоят себе прочно. Но для взыскательного иноземца-мушкетёра фон Дорна они неинтересны, а вот тот факт, что такой большой столичный город выстроен «весь из брёвен и досок», его, похоже, забавляет. Ну, это он, судя по всему, не был ни в Христиании (Осло), ни в других скандинавских столицах, как, впрочем, и в Гааге, и в Амстердаме... В последнем, впрочем, вроде как раз именно в том самом веке занимались постепенным переводом строений из дерева в камень. И в Москве, представьте, тоже начинали входить в моду камень и кирпич (сходите, полюбуйтесь, к примеру, изумительными красно-белыми палатами думного Дьяка Аверкия Кириллова на Берсеневской набережной!), однако широкого распространения ещё не получили. Да и неудивительно: в наших климатических условиях дерево – лучший экологический материал, в таких домах тепло зимой, прохладно летом, да и просто легче дышится: смола, содержащаяся в брёвнах, убивает многие грибки и микробы. Деревянные города легко горят – но быстро отстраиваются, возрождаются...

Помимо того, Москва и именовалась издавна «большой деревней» по причине множества обширных земельных участков, внутри которых, в окружении садов, прудов, огородов, хозяйственных построек располагались монастыри и боярские усадьбы. В то время как типичный европейский город представлял собой, как известно, ограниченное пространство с узкими улочками и теснящимися друг к другу домами, волей-неволей растущими ввысь. Санитарное состояние – не секрет – было плачевным; даже широкие шляпы горожан (и, в частности, мушкетёров), считается, изобрели в первую очередь как предохранение от выплеснутых сверху помоев, под которые можно угодить ненароком, так же, как и высокие каблуки – от гниющих отбросов под ногами... Так что в постоянные сетования Корнелиуса на московские грязь и плохой запах верится с трудом. Уж если явился прямиком из Европы, то, напротив, должен бы радоваться просторности, зелени, свободным воздушным потокам, проветривающим городское пространство – ещё поищи такое в родных пенатах...

Это – что касается вида внешнего. Теперь хорошо бы разобраться насчёт отсталости, недоразвитости и бескультурья, на которые, опять же, постоянно пеняет наш герой. Да, в силу драматически сложной истории становления государства, к примеру, первое высшее учебное заведение – Славяно-греко-латинская академия – откроется только через 12 лет (впрочем, если считать её предшественницу – Еллино-греческую академию – то через 10). Однако имеются школы, дающие как светское, так и религиозное образование. Работают Московский печатный двор, Приказ (министерство) книгопечатания, Правильная палата (где осуществляется редакция и корректура), при них – библиотека. Библиотеки также имеются при других Приказах (например, Пушкарском, Аптекарском и т.д.), не говоря о монастырях. Ведётся книготорговля (помните картину Васнецова «Книжные лавки на Спасском мосту в XVII веке»?). В ходу как рукописные, так и типографские издания; наряду с религиозной литературой распространение уже имеет светская, учебная, справочная. Параллельно с переводной создаётся собственная художественная литература: бытовые и исторические повести, драматическая сатира, произведения пародийно-юмористические (от «Повести об основании Москвы» до «Повести о Флоре Скобееве», от «Азбуки о голом и небогатом человеке» до «Росписи о приданом» и т. д. и т.п.), а также стихосложение.

Что ещё? Кроме Государевой, придворной аптеки в столице существует также и общедоступная, а на подходе – третья. (В те времена аптека – не лавочка, где торгуют готовым товаром, а целая, можно сказать, фабрика по производству лекарств, с приличным штатом врачей и лекарей, своих и иноземных, которые обслуживают большое количество страждущих.) Недавно ушедший в мир иной Фёдор Ртищев (тот самый «милостивый муж», что на собственные деньги на войне подбирал и лечил раненых – как со своей, так и с противной стороны, выкупал пленных, жертвовал на голодающих...) Москве после себя оставил больницу, приют для слепых и немощных, благотворительную столовую и даже... вытрезвитель! Ну, а кроме того – училище, где обучаются грамматике, риторике, философии и древним языкам и которое через несколько лет ляжет в основу той самой Славяно-греко-латинской академии.

При дворе Алексея Михайловича существует драматический театр – «Комедийная хоромина» (где, между прочим, именно в «наш» год будет поставлено первое балетное представление); с целой театральной школой. Царских детей обучают Симеон Полоцкий, Сильвёстр Медведев и другие выдающиеся учёные люди... В общем, – пусть и не самая передовая из мировых столиц своего времени, однако дикой и варварской её точно не назовёшь.

Но для Корнелиуса фон Дорна – всё не так, как надо, всё плохо и мрачно, жалко и убого, грубо и отвратительно. Москва – это *«Хищные укусы крыши, злоеющие персты звонниц, похоронный гуд колоколов»*. *«Внутри Кремль напоминал не монаршую резиденцию, а какой-то муравейник. Бессмысленное и беспорядочное нагромождение деревянных и каменных построек, соединенных меж собой открытыми и закрытыми галереями. Хоромы по большей части ветхие, кривые. Над крышами торчат башенки, луковки, крендельки, флюгера – только вся эта красота до первого большого пожара. Одна зажигательная бомба из польской или шведской мортиры, и превратится царская твердыня в груду головешек»*.

Ну, не нравится человеку (автору, который делегирует это своему герою) русская архитектура, а нравится, напротив, мысленно представить её уничтожение – имеет полное право. Вот только почему хоромы *«ветхие и кривые»*, напраслину-то возводить зачем? Зачем сочинять нелепейшие сценки про царицу Наталью Кирилловну, которая якобы ловит блох на своём венценосном супруге, или утверждать, что *«В царском-то дворце иную миску раз в год помогают, и то много»*, и каждую перемену блюд *«валят в ту же тарелку»*? Что за бредятина? Да во время царских пиров, к примеру, многочисленные подавальщики на стол даже по несколько раз, как на сцене, меняли свою собственную торжественную одежду, а не то, что посуду!.. С тем же успехом можно заявить, что писатель Борис Акунин-Чхартишвили ходит в рваных носках и грязных майках, зубы чистит раз в полгода, а жена его умеет разве что поджарить

яичницу, да и та вечно пригорает. Многие б, разумеется, возмутились на такую глупую, нелепую, низменную ложь, многие б поднялись у нас на защиту любезного им автора и человека. И это – правильно. Но вот кому, спрашивается, встать на защиту исторической справедливости *от* этого автора и человека?

Ну, есть, например, И. Е. Забелин с его «Домашним бытом русских царей в XVI и XVII столетиях» и аналогичным «Домашним бытом русских цариц...», где всё подробно – про порядки, уклад, обычаи, про бытовую роскошь и про поддержание чистоты (весьма ревностное). Но кто знает эти книги?

Или – много ль найдётся тех, кто не поленится полистать «Путешествие в Россию» Павла Алеппского, чтоб найти описание приёма у Алексея Михайловича, где, в числе прочего, сказано: *«Вокруг столба имеются полки, в виде ступенек, одна над другой, покрытые материями. На каждую ступень ставят серебряные вызолоченные кубки разных видов и форм, большие и малые, и чаши восьмигранные, круглые и продолговатые, как корабль. При каждом обнесении присутствующих потчуют из новой посуды»?*..

Вот и будут отныне наши люди иметь представление о том, как жили в допетровское время, – по Акунину, а не по Забелину или очевидцам. Да и не наши тоже – те, что прочтут перевод, как же иначе... Задумавшись о природе акунинских небылиц, уместно предположить: быть может, автор что-то где-то когда-то прочёл про существующий одно время у пирующих обычай есть «на пАру» с рядом сидящим, беря при этом многие блюда руками, – и вывел отсюда идею про ужас какое дикарство, о чём не преминул отметить в своём непревзойдённом духе? Но ведь такое устраивалось сознательно и уж точно не от нехватки посуды: предполагалось, что людям так легче знакомиться и ближе общаться; выражение «разделить трапезу» пошло именно оттуда: разделить одно кушанье на двоих в самом буквальном смысле. То, что при этом многие блюда можно было брать руками, тоже объяснялось просто – они подавались уже специально нарезанными на небольшие куски. Кстати, обычай есть руками встречался и до сих пор встречается в разных странах. Например, афганские традиционные трапезы во вполне состоятельных домах происходят так: люди сидят на полу, на подушках, на расстеленную перед ними скатерть кладутся специально разделанные блюда, а слуга с кувшином и тазиком для воды обходит каждого и помогает вымыть руки – как до и после, так и во время еды, когда происходит перемена этих блюд. Более того – доводилось читать интересный рассказ одной нашей бывшей соотечественницы о том, как она гостила у своей студентки-американки, вышедшей замуж за королевскую особу из страны Персидского залива (если не ошибаюсь, одного из Объединённых Арабских Эмиратов). Она, в частности, описывала деловой обед в одном высокопоставленном гареме, где присутствовали дамы с титулами типа: племянница эмира, сестра наследника престола, четвёртая жена министра иностранных дел... Поскольку ныне каждая вторая из этих угнетённых женщин Востока имеет гарвардский или оксфордский диплом и праздность им в тягость, они обычно находят себе применение в осуществлении крупных благотворительных проектов – один такой и обсуждался. Но интересно то, как проходила трапеза: роскошные ковры и подушки, меж ними скатерть-самобранка и... никаких тебе приборов, всё – ручками, ручками! Если наша героиня с непривычки тут же измазалась с ног до головы, то дамы, не прекращая разговора, ловко и не без изящества отправляли кусочки яств в рот отработанными движениями – посредством ребра ладони, и ни одна рисинка при этом не упала на подол, ни одно ювелирное украшение, унизывающее эти пальцы и запястья, не пострадало... Это всё к тому, что есть руками – целое искусство, и подобные традиции сами по себе отнюдь ещё не означают цивилизационной отсталости. Ибо любая или почти любая народная традиция имеет под собой веские резоны, причины и основания; презрительно же высмеивать, ничего в них не понимая, – вот это настоящее дикарство и есть.

...Итак, хорошо в Москве – вестимо, только на Кукуе, в маленьком островке цивилизации (*«Русская косность и тупость разжигает мозги и разъедает душу. Если б не наш Кукуй,*

мы все бы оскотинились...»). Впрочем, что там простодушные речи насельников Немецкой слободы – в книге не то, что на каждой странице, а почти в каждом абзаце хоть одна гадость про русских и русское, да будет сказана, иначе автор не умеет. Кроме Кукуя, хорошо его центральному персонажу ещё разве в доме боярина Артамона Матвеева; как вы могли догадаться, если и так не знали, Матвеев – западник, женат на шотландке, в быту подражает европейцам. Положивший глаз на его дочку Корнелиус в финале отправляется вместе с матвеевской семьёй в ссылку, в Пустозёрск...

Таким образом, если примерно девять раз произнести приставку «пра» к слову «внук» – это и будет то, кем явится Корнелиусу фон Дорну Эраст Петрович Фандорин. Но на нём, как мы уже знаем, сей славный род не заглохнет (в России без него никак); внук его, Николай Александрович Фандорин (тот самый баронет Николас), женится на московской журналистке по имени Алтын Мамаева (чей карьерный рост впоследствии взлетит до должности главного редактора в издании типа «Спид-Инфо»), и вот уж в одной из последующих книг, лаконично именуемой «Детская книга», на авансцену выходит их сынишка Эраст, домашнее прозвище – Ластик. Если не заморачиваться изложением всех хитросплетений фантастического сюжета, то коротко можно сказать: это всё про то, как нынешний шестиклассник через некие «хронодыры» попадает в разные времена прошлого и будущего, но дольше всего задерживается во всё той же распроклятой Москве – на сей раз времён Бориса Годунова и Лжедмитрия I; то есть на 70 лет ранее, чем незабвенный Корнелиус, его многожды «пра»дед.

В тереме не у кого иного, как у Василия Ивановича Шуйского (покуда ещё не царя, а боярина), и оказывается наш отрок, коего поначалу пытаются выдать за ожившего царевича Дмитрия. Надо ли говорить, что столица Руси явно подкачает и на сей раз, теперь уже в глазах юного москвича из века номер 21. Занятно, между прочим, сравнить бытовые детали, которыми оперирует автор, с тем, как их описывает (если точно – на десяток с небольшим лет ранее) англичанин Джильс (Джайлс) Флетчер в своём повествовании «О государстве русском».

«Ластик решил выглянуть в окно. Это оказалось не так просто. Окна-то в горнице имелись, только через них ничего не было видно. В мелкий переплёт зачем-то вставили мутные пластинки, вроде матового стекла, только не гладкие, а пузырчатые...» А вот что пишет Флетчер об этой самой слюде, которую добывали и использовали на Руси: *«Слюда пропускает свет изнутри и снаружи прозрачнее и чище, нежели стекло, и потому еще заслуживает преимущества перед стеклом и рогом, что не трескается, как первое, и не горит, как последний»*. Следом Ластик увидит девушку в платье *«скучного цвета»*, которая бежит, *«шлёная лаптями»*. Реальный же англичанин описывает одежды русских как довольно яркие, и, кажется, ни разу не упоминает о лаптях, так же как и, вроде, остальные авторы из сборника «Россия XVI века. Воспоминания иностранцев». (Интересно, почему? Быть может, на самом деле такой вид обуви и не имел, вопреки нынешним представлениям, широкого распространения? – Д.В.) А ещё Флетчер добавляет: *«Без серёг серебряных или из другого металла и без креста на шее вы не увидите ни одной русской женичины, ни замужней, ни девицы»*.

Далее у Акунина нам расскажут про то, как не в крестьянской избе, а, якобы, в богатых палатах на стол подают щи, налитые в каравай со срезанной верхушкой. *«Хлеб был пресным, мясо несолёным и к тому же снаружи пережарено, а внутри сырое. Готовить в старинной Руси, судя по всему, не умели»*. Да где уж там, действительно, – изобрели зачем-то, по свидетельству «Домостроя», от 150 до 200 наименований блюд, а простых щей при этом даже в поварне знатного боярина прилично сварить были не в состоянии...

Потом, конечно, сообщат по поводу пресловутых бород: *«половина эпидемий на Руси происходит от грязных, нечёсанных бород, рассадников вшей, блох и прочей пакости»*. Ну, что тут скажешь? Может, в Европе тогда и брились, опасаясь разведения ещё большего, нежели имелось, количества этих паразитов, но в России-то, в отличие от той Европы, повсюду, как известно, водилось такое давнее гигиеническое изобретение, как мыльня (баня). Где, вопреки

сказанному в «Алтыне-толобасе», полагалось париться не раз в месяц, а раз в неделю (минимум!), переодеваясь следом, само собой, в чистую одежду. Но Ластика не проведёшь – Ластик, как достойный потомок Корнелиуса фон Дорна, везде обнаружит антисанитарию, грубость и отсталость (не говоря уже про повальные хитрость, подлость, лживость, коварство), ему сам царь Борис пожалуется на постыдные болезни, сморкаясь при этом *«не в платок, а на сторону»*...

Вот интересно – для чего надо было всё это последовательно измышлять, старательно высасывая из пальца – самому-то автору не противно? Впечатление – что не противно, а, напротив, очень даже приятно; но, в конце концов, все эти русские типажи и персонажи – не его предки, и уважать их память, заботясь о какой-то справедливости и объективности, он не обязан. (Что-что вы говорите: тем более обязан проявлять деликатность, когда пишет не о своём?.. Захотели, однако! Не смешите. Деликатности и прочей толерантности-политкорректности достоин кто угодно, только не русские – это знают все.)

И потом, человек же не просто так злобствует, а – из лучших побуждений. Да-да – у него высокая идея (которая элементарно выводится из его книг, интервью и т.п.), состоящая в том, что Россия – это, конечно, позор в глазах прогрессивного человечества, но – она небезнадёжна, нет! Ведь как только начинает смиренно учиться у Запада, тесно с ним сближаться (хоть при Петре, хоть при Горбачёве – Ельцине; неплох был и Февраль 17-го, да только преждевременен, вот и облом!) – то становится вполне достойна похлопыванию по холке: молодца, продолжай в том же духе, и когда-нибудь знатные господа могут даже пустить в свою европейскую гостиную, посадить на краешек дивана.

Но поскольку в целом пока российский народ как был, так и остаётся запущенным ребёнком (любимая акунинская сентенция), его следует просвещать неустанно и воспитывать соответственно. Поэтому всё, что хоть сколько-нибудь составляет непохожесть, самобытность и самостоятельность его родины, требует насмешки и пренебрежения, осуждения и шельмования; а вот понятие «Европа» («Эуропа» – синоним слова «идеал») – напротив, самого безусловного поклонения. Каждый русский должен иметь комплекс исторической неполноценности. Для его же блага. Каждый нормальный школьник вправе осознавать, что он цивилизационно и культурно, морально и умственно выше всех этих царей и бояр, мещан и попов, крестьян и солдат прежних времён, создававших и отстаивавших для него страну, в которой родился. Ибо так скорее Россия отринет самоё себя и сможет, наконец, слиться с благословенным Западом – ведь именно там восходит Солнце, не правда ли?..

P.S. История России не даёт покоя беллетристу по-прежнему. Вот появились на прилавках два его новых увесистых тома (прекрасно изданных, дорогих!): «История Российского государства. От истоков до монгольского нашествия» и «История Российского государства. Ордынский период»; к первому в названии добавлено «Часть Европы», ко второму, вестимо, «Часть Азии» (иначе, как чьей-нибудь частью, Россия, понятно, быть не может, и всё тут). Если человеку хочется попретендовать на лавры нового Татищева-Карамзина-Соловьёва эт сетера – кто ж запретит и кто осудит? Дело само по себе неплохое. Более того – закрадывается даже робкая надежда: а вдруг, окунувшись в такой глобальный предмет с головой, автор волей-неволей проникнется его сложностью, нешуточностью, неоднозначностью, откинет предвзятость свою и тенденциозность, проявит хоть какое-то понимание-уважение? Многая знания иногда тому способствуют... Так что, признаться, – и хочется приобрести да приобщиться, и колется... Как думаете, – стОит?..

КЛАДБИЩЕНСКИЕ ИСТОРИИ АКУНИНА-ЧХАРТИШВИЛИ

Акунин Б., Чхартишвили Г. Кладбищенские истории. – М.: КОлибри, 2004.

Кто такие Акунин и Чхартишвили, публике, кажется, объяснять не надо. Просто раньше фамилии эти стояли в разных местах: «Б. Акунин» на сверхтиражных детективах, а «Г. Чхартишвили» – на обложке книги «Писатель и самоубийство», предназначенной в основном для узкого круга специалистов, а также внутри книжек японских авторов – там, где указывают переводчиков. На этом же новом, отлично иллюстрированном издании обе фамилии впервые стоят рядом, хотя разделение труда продолжается: сначала Георгий Чхартишвили выдаёт эссе о каком-нибудь знаменитом кладбище, а затем Борис Акунин радуется детективной историей, якобы однажды там случившейся... Всего таких парных документально-вымышленных повествований в книге шесть: о московском Донском, лондонском Хайгейтском, иокогамском Иностранном, иерусалимском Еврейском кладбище на Масличной горе, парижском Пер-Лашез и нью-йоркском кладбище Грин-Вуд.

Что ещё за некрофилия такая? – с брезгливым ужасом могут воскликнуть люди, не отличающиеся спокойно-философским подходом к теме смерти. Акунин-Чхартишвили смиренно разъяснит в предисловии: *«С некоторых пор я стал чувствовать, что люди, которые жили раньше нас, нигде не делись. Они остались там же, где были, просто мы с ними существуем в разных временных измерениях... Всё, что когда-то было и все, кто когда-то жил, остаются навсегда».*

Далее автор признаётся: *«... я сочиняю романы про XIX век, стараясь вложить в них самое главное – ощущение тайны и ускользания времени. Я заселяю свою выдуманную Россию персонажами, имена и фамилии которых нередко заимствованы с донских надгробий. Сам не знаю, чего я этим добиваюсь – то ли вытащить из могил тех, кого больше нет, то ли самому прокрасться в их жизнь».*

Что ж, дать шанс никому не известным, канувшим в вечность соотечественникам прожить новую, пусть и литературно-вымышленную жизнь и тем самым «всплыть» в нашей действительности – затея, согласимся, и интересная, и благородная. Ну, а к какому всё-таки умозаключению приходит наш автор (авторы) после своего историко-художественного исследования полудюжины крупнейших некрополей мира?

Главная мечта человечества – избавиться от страха смерти... Это означает не вообще уничтожить смерть, а исключить смерть неожиданную, непредсказуемую и преждевременную, которая обрушивается на человека, когда он ещё не насытился жизнью и не выполнил своего предназначения.

Если предположить, что подобная цель, сформулированная эссеистом Г. Чхартишвили, будет когда-нибудь с помощью науки достигнута, то как же люди станут уходить из этой жизни, когда она им в самом деле надоест? Об этом – заключительная, уже не детективная, а научно-фантастическая новелла беллетриста Б. Акунина под говорящим названием «Хеппи-энд».

ПАМЯТИ БОРИСА МОЖАЕВА

В принципе, он и сейчас мог бы ещё быть с нами. И девяносто лет, стукнувшие 2 июня, были б вполне по плечу человеку крепкого крестьянского корня, флотской закалки, полученной в юности. Отлично можно себе представить старика высокого роста и высокого лба, с густой седой бородой и умным цепким взглядом... Мало кому удаётся стареть красиво, благородно, словно просветляясь лицом – Можаяеву удавалось. Это отметил ещё Солженицын в своей статье на смерть друга – когда он, Можаяев, ушёл от нас 17 лет назад, в 96-м.

Хотя – чем бы могли порадовать эти годы его, прирождённого и убеждённого «деревенщика», автора незабываемых «Мужиков и баб», «Живого» и прочих романов-повестей о крестьянской жизни минувшего века, а помимо того – целого массива публицистики, посвящённой сельскому хозяйству и экологии? Тем, что принудительная коллективизация – «Великий перелом» (хребта русского народа, по Солженицыну) ныне уже и вполне «просвещёнными патриотами» стала по умолчанию считаться чем-то пускай и тяжёлым, но совершенно необходимым, а потому простительным этапом «модернизации»? Тем, что беспросветное, беспросветное иго советской бюрократии, давившей в зародыше всё живое, нестандартное, хоть скольконибудь выдающееся, теперь едва ли не поголовно воспринимается вполне ностальгически? Что северная и «нечерноземная» деревни по-прежнему покинуты, люмпенизированы, «не вписаны в рынок»? Что мы-таки вступили в ВТО и теперь покорно ждём окончательного удушения своего сельхозпроизводителя?

Но смиренно ждать «будь, что будет» стыдно только тем, кто не «делал, что должно». Можаяев – сделал на своём месте и в своё время всё, что ему было должно, исполнив этот самый «долг, завещанный от Бога». Разве что последний роман, «Изгой», дописать не успел – тот, что тематически продолжает «Мужиков и баб», знаменитую его дилогию-эпопею, чью вторую книгу опубликуют только во время перестройки, ибо подобного про коллективизацию и вызванный ею крестьянский мятеж не мог себе позволить никто. (Да и первая-то, показавшая ту же деревню во время нэпа и не принятая ни в один из журналов, вышла чудом, при призывах Московской писательской организации рассыпать набор.)

Но прежде славу принесёт ему «Живой» («Из жизни Фёдора Кузькина») – повесть, на свой страх и риск опубликованная в «Новом мире» Твардовским. «Первым правозащитником» назовут потом беспаспортного колхозника Кузькина по прозвищу Живой, что сумеет бросить вызов властям предрежающим и добиться-таки отмены своего рабского положения ещё до хрущёвской «вольной». Любимов поставит по «Живому» на Таганке спектакль, который запретит к выходу мадам Фурцева; увидят его зрители только через долгих двадцать лет...

Напишет он и о городском провинциальном житье-бытьё – про то, как простой обыватель, «зубной техник и член домкома» по фамилии Полубояринов по почти анекдотическому поводу вступит в схватку со всемогущей бюрократией местного разлива; эта повесть-шутка «Полтора квадратных метра» возмутит тов. Андропова (интересовались литературой тогда наши вожди, ничего не скажешь!) и вызовет его гневное вопрошение «де, мол, долго ли будет этот писатель глумиться над нашей действительностью!...»

Просто удивительно, как прошла тогда в печать «История села Брёхова, писанная Петром Афанасиевичем Булкиным» – где вся советская история колхозного крестьянства будет преподнесена в ключе уже даже не сатирическом – комедийном, так что все драмы и трагедии предстанут действиями прежде всего фантастически нелепыми, каковыми в первую голову и являлись...

Можно сказать без сомнения: если хочешь действительно что-то понимать в России, серьёзно разобраться с переломным в её судьбе XX веком – не обойтись тебе никак без прозы деревенщиков, крестьянских детей, впервые взявших слово в литературе и впервые сказавших

о своём народе изнутри, а не извне. Без Белова, Распутина, Астафьева, Шукшина; без Абрамова, Яшина, Носова, Екимова и так далее (много там талантов, никак не меньше дюжины наберётся). И без Можаяева, разумеется, который всегда немного особняком: демократ среди почвенников и патриот среди всемирно отзывчивых...

Здорово, что есть возможность пересмотреть старые наивные советские фильмы «Хозяин тайги», «Предварительное расследование» – с Золотухиным (милиционером Серёжиным), с Высоцким, попутно отметив, что созданы они по ранним, «дальневосточным» можаяевским повестям, ознакомиться с коими тоже отнюдь не грех.

Или раскрыть, скажем, «По дороге в Мещеру», и с первых же строк: *«Она проходила мимо нашего села и называлась столбовой дорогой, большаком, Касимовским трактом, Крымкой, Владимиркой, Муромской дорогой...»* заворожиться ширию, проникнуться грустью этого незатейливого вроде бы очерка...

А там и больше: окунуться в стихию «Мужиков и баб», со всей их полифонией, «крестьянским хором», нескончаемым диалогом безымянных персонажей из толпы или залов собраний, с байками, хохмами, анекдотами, песнями, поговорками, ритуалами, обычаями, драгоценными приметами времени... Осознать, как всё с тех пор оскудело и измельчало, чего мы теперь лишены (нет, – чего нас лишили!). А потом взять незаконченного автобиографического «Изгоя» и с горечью догадаться, что отец главного героя, сгинувший в лагере на Дальнем Востоке (тот уже заброшенный лагерь хоть одним глазком мечтает увидеть сын), – это и есть один из центральных персонажей «Мужиков и баб», незабвенный Андрей Иванович Бородин, прототип отца Можаяева. Стало быть, уцелевшему в описанном мятеже на Рязанщине – не уцелеть после, в тридцатые...

Раздавлен безжалостной историей Можаяев-старший, но есть зато его образ в литературе, запомнился, как запомнились и Фёдор Кузькин, и старица Прошкина, и Булкин, и Полубояринов, и другие разнообразные персонажи – свидетели и свидетельства великой и ужасной эпохи. Остались, к счастью, нам на память.

Но имеется ещё, отметим напоследок, и литературный образ самого их создателя – Бориса Андреевича Можаяева. И не об «Изгое» тут речь – речь уже о солженицынском «Красном колесе», где с него списан главный крестьянский герой эпопеи – Арсений Благодарёв. *«Живое воплощение среднерусского мужичества»* – назовёт Можаяева Солженицын и добавит: *«С живого легко, легко писалось»*.

Что ж, помянем ушедших, заглянув в эти книги. Лучшего, пожалуй, тут и не придумать...

СКАНДАЛИСТ В. КАВЕРИНА

Каверин В. А. Скандалист, или Вечера на Васильевском острове. – М.: Текст, 2004.

Что обычно приходит на ум при упоминании о Вениамине Каверине? Ну, разумеется, «Два капитана» – отличный роман для подростков. Ну, «Освещённые окна» и «Эпилог» – хорошие мемуарные книги для всех, кто интересуется историей советской литературы. Дальше, увы, вспоминаются не слишком интересные, вполне соцреалистические вещи, которые совершенно не тянет перечитывать... Однако издательство «Текст» доставило нечаянную радость, выпустив отдельной книгой роман, который доказывает подобному неискущённому в каверинском творчестве читателю, что была у того и прекрасная ранняя проза. «Скандалиста» Каверин написал в двадцатилетнем возрасте, будучи членом литературной группы «Серапионовы братья», куда входили такие знаменитые фигуры, как Михаил Зощенко, Вс. Иванов, Константин Федин, Николай Тихонов...

В романе воссоздан современный ему Петербург начала двадцатых годов прошлого столетия, ещё голодный и нестроенный, не отошедший полностью от военного коммунизма, где при всём при том бурлила культурная жизнь, не прекращались духовные поиски. Фигурируют профессора Петербургского университета, старики, рождённые одной эпохой, вскормленные другой и напрасно старающиеся жить в третьей, студенты, пришедшие с гражданской войны, аспиранты-филологи, учёные, писатели, художники... Сюда-то и приедет из Москвы небезызвестный писатель с репутацией скандалиста, который даже бродячих псов спрашивает: «... согласен ли ты со мной, что у нас не литература, а катастрофа?» и который, само собой, выступит в качестве возмутителя спокойствия в и без того бурной полубогемной жизни.

«– ... Мне до отъезда нужно ещё убить одного человека, Боря.
Это не цитата. Я говорю серьёзно.
— И не метафора?»

— И не метафора».

Многие из персонажей явно имеют реальные прототипы, однако не похоже, чтобы автор затевал игру с читателем «Угадай, кто?», как это делается, например, в других известных романах о пореволюционном Петербурге – «Сумасшедшем корабле» Ольги Форш и «Орфографии» нашего современника Дмитрия Быкова. Каверин просто описывает окружающую его реальную действительность, и реализм этот получается магическим – не оттого, что происходит нечто сверхъестественное, а оттого, что само время и место действия, а также мастерство их воссоздания не могут не оказывать на читателя совершенно завораживающего, магического впечатления.

НАПЕРЕКОР ГЕНДЕРУ: ВЗЛЯД НА ЖЕНСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ 2005 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.